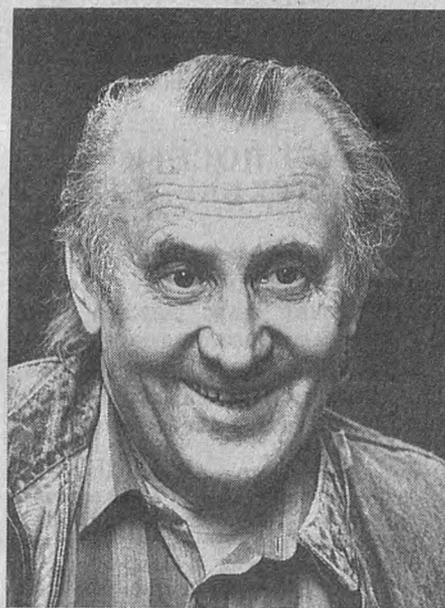

Не знаю, есть ли в музыкальном мире такое понятие, как «частота исполнения» тех или иных произведений. Если есть, то безоговорочное лидерство тут принадлежит песням на слова Леонида Дербенева. Они постоянно на слуху вот уже лет тридцать. Почти фольклор. Это могут быть песни лирические, шуточные, с грустью, очень известные или не очень, но обязательно добрые. Это — как фирменный знак. А всего песен на его слова написано больше тысячи...

Итак, поэт у нас сегодня в гостях.

Леонид ДЕРБЕНЕВ:

Из песни слов не выкинешь

— Леонид Петрович, будут у меня и серьезные вопросы, но начать нашу беседу хотелось бы с несерьезного. Вот вы недавно написали для Маша Распутина песню о белом «мерседесе». Как я понимаю, откликнулись на злобу дня. А еще что-нибудь в этом духе намечается? Нет желания сочинить, допустим, песню о ваучере?

— А у меня уже давно есть такая песня: «Крокодил не ловится, не растет кока...»

— Как же вам в свое время не задробили в «Бриллиантовой руке» тексты, двусмысленность которых видна, что называется, невооруженным глазом?

— Это отдельная история. Если коротко, то «объехать» особо бдительных товарищей из худсовета удалось на том, что, дескать, «Остров невезения» — это, по сценарию фильма, песня мелкого фарцовщика, не более. И это исключительно у таких типов, как герой Андрея Миронова, «не идут дела». А припев «А нам все равно!» из «Песни о зайцах» исходил от подвыпившего гражданина, внезапно осмелевшего в ресторане, фигуры комичной, к которой следует с улыбкой снисходить. Не сталевар же это поэт!

Кстати, на этом примере хорошо видно, кому раньше приходилось труднее при работе над песней — композитору или поэту. К музыке, что бы она ни представляла из себя, по «идейным» соображениям особо не притереться. И вкусовые пристрастия тут не столь уж проявляются. Зато автор слов всегда под прицелом.

Вот, например, задумано было в «Кавказской пленнице» дать текст. Александр Зацепин написал музыку. Я — текст, «Песенку о медведях». Посыпалась от редакторов вопросы: а при чем тут медведи? Это уже безо всякой, разумеется, цензуры. Просто — зачем медведи? И как они могут «тереться о земную ось»? Ось — это что? Она целиком в земле или выступает над ней?

— И что же вы отвечали?

— Сказать? Лучше не буду. Да и речь ведь тут не о достоинствах или недостатках этой или какой-то другой вещи. С моими песнями, слава Богу, вышло более 100 кино- и телефильмов, а ведь я не только на кино работаю. На эстраду в основном, и вот уже многие годы. Если всякий раз что-либо доказывать или объяснять, то, сами понимаете, ни на что другое времени не останется.

Профессия поэта-лесенника тем характерна, что не позволяет самообольщаться насчет собственной гениальности. Будешь делать не то — тебя просто не будут слушать. У нас нет гипотетического читателя, как у так называемых серьезных поэтов. Работаешь живую, на конечный результат, с конкретными людьми. На эстраде, в кино бежит от тебя только то, что способно принести всем, кто с тобой в упражке, успех. То есть чтобы в итоге получился.

— Леонид Петрович, но у вас ведь тоже не сразу стали из-под пера выходить шлягеры.

Званный гость

— И сейчас далеко не всегда получаются шлягеры. Но вообще-то по образованию я юрист. Окончил в 1955 году в Москве юридический институт и три года честно отработал по распределению юрист-консультантом на производстве. Но я с детства, со школьных лет жутко хотел писать стихи. Сначала это были тексты на уже готовые популярные мелодии, так называемые дворовые песни, под гитару. Так и пошло-поехало постепенно...

Первым композитором, который обратил на меня внимание, был Александр Флярковский. Александр Зацепин привел меня в кино. А первый настоящий шлягер получился, пожалуй, с Арно Бабаджаняном и Муслимом Магомаевым — «Лучший город земли».

— Аллу Пугачеву знают все. Однако далеко не всем поклонникам ее таланта известно, что из 16 песен на ее первой, самой феноменальной, пластинке «Зеркало души» 11 принадлежит вам, Леонид Петрович. Такова участь поэтов-песенников — находиться как бы за кулисами?

— Меня это не задевает. Артист и должен в принципе получать львиную долю славы. Было бы, согласитесь, странно, если бы зрители, приходя в картинную галерею, все внимание сосредоточивали на подписи под художественным полотном, а не

над тем, что и как изображено.

— Сравнивая себя с художником, не переоцениваете ли вы свою роль?

— Отнюдь. Вот у композитора Эдуарда Колмановского есть песня «Хотят ли русские войны». Он в свое время любил повторять: мол, давно мечтал написать что-нибудь о борьбе за мир и, наконец, создал такое произведение. Но ведь в основе этой песни — стихотворение Жени Евтущенко, благодаря ему она получила большое гражданское звучание. А на ту же мелодию, как однажды заметил Игорь Шаферан, могли бы лечь и другие слова: «Сидел на ветке воробей...»

Повторюсь, песня — плод коллективного труда, и идеально, когда в ней все классное: музыка, текст, исполнение. Тогда песня может стать шлягером.

Наиболее редкий прецедент — когда песню «делает» практически один лишь исполнитель. В качестве примера могу тут сослаться, пожалуй, на одного Александра Серова, который умудряется из нешлягерных, на мой взгляд, песен сотворить маленькие шедевры за счет уникальных вокальных данных.

Особый случай — Маша Распутина, с которой мы сотрудничаем с момента ее появления на большой эстраде. Образы, в которых ее привыкла воспринимать публика, придумываю я. Каждая ее пластинка — «Городская сумасшедшая», «Я родилась в Сибири», «Живи, страна» — это и каждый раз новый поворот в развитии певицы, но поворот, тщательно выверенный. Я просто не советую Маше браться за песни, которые бы не отвечали ее творческой индивидуальности.

— Давайте теперь поговорим о военной песне. Вам не кажется, что она в кризисе?

— К военной песне я обращался лишь однажды, написав на музыку Юрия Чичкова несколько песен к телефильму о десантниках. Фильм этот, к сожалению, не очень удался, вместе с ними

сгинули и песни, которые, вероятно, также этого заслуживали.

Если же говорить о причинах кризиса в современной армейской песне, то дело, видимо, в том, что нарушены какие-то законы, по которым должен развиваться этот жанр. Вот эстрадная песня развивается в нормальных условиях, то есть от жизни. Даже если вдруг в какой-то момент наружу выплескивается нечто типа «Ласкового мая», от которого в ужасе все музыкальные критики, — это естественный ход вещей. А для армейской песни, как мне кажется, изначально старались создать условия, исключаящие «болезни» развития.

Впрочем, я не стал бы сгущать здесь краски. Ведь у вас есть свой замечательный классик — Алексей Фатьянов. Есть потрясающая песня «Непобедимая и легендарная», которую сейчас невозможно слушать без слез.

— И последний вопрос, Леонид Петрович. Самый серьезный. Верите ли вы в то, что у нас будет Гимн, слова которого окажутся достойны музыки Глинки?

— Слова такие по литературному качеству найти возможно, но я совсем не уверен, что в нашем расколотом обществе текстовая часть Гимна устроит всех. Нужна какая-то общепризнаваемая, общепримирающая идея, которой пока нет.

Михаил ЛУКАНИН.